

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102).
Political Linguistics. 2023. No 6 (102).

УДК 81'23:81'42:808.51
ББК Ш105.51+Ш105.551

ГРНТИ 16.21.29

Код ВАК 5.9.8

Ирина Александровна Бубнова

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, aribubnova@gmail.com, SPIN-код: 8509-4941

Топосы современной публичной западной дипломатии в контексте глобализации: специфика и цели

АННОТАЦИЯ. В статье с позиций общепсихологической теории деятельности рассматриваются топосы современного публичного западного дипломатического дискурса, зафиксированные в выступлениях западных дипломатических служащих высшего ранга. Актуальность исследования заключается в выявлении роли публичного дипломатического дискурса, который становится одним из видов деятельности, направленной на реализацию глобальной цели — конструирование общего сознания.

Примененный в ходе анализа дискурсивно-исторический подход позволил: 1) выделить ключевые топосы; 2) установить цель их использования — создание атмосферы страха, стимулирующей у широкой аудитории «быстрое» мышление без глубокого осмысления представленных фактов; 3) выявить мотив, лежащий в основе смены основной функции публичного дипломатического дискурса, и главную цель данного вида деятельности в эпоху глобализации.

Полученные результаты позволяют утверждать, что публичный дипломатический дискурс в XXI веке благодаря цифровым технологиям не просто стал «полноправным участником» общего коммуникативного пространства, но по своим базисным характеристикам все больше сближается с политическим дискурсом, часто отличаясь от него лишь тем, что его участниками являются персоны, занимающие официальные дипломатические должности, однако не имеющие соответствующего образования и не знакомые с нормами классической дипломатии либо намеренно их нарушающие. При этом, независимо от причины, ведущей к игнорированию законов и правил дипломатии, выявленная особенность заставляет обратиться к теории рефлексивного управления, с позиций которой, как представляется, современная ситуация в публичной дипломатии может получить вполне логичное объяснение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, публичный дипломатический дискурс, глобализация, дипломатия, общепсихологическая теория деятельности, топосы, публичные речи, дипломаты, речевая деятельность, массовое сознание.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Бубнова Ирина Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор Департамента филологии Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет; 129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, д. 4; email: aribubnova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бубнова, И. А. Топосы современной публичной западной дипломатии в контексте глобализации: специфика и цели / И. А. Бубнова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6 (102). — С. 12-19.

Irina A. Bubnova

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, aribubnova@gmail.com, SPIN: 8509-4941

Topoi of the Modern Public Western Diplomacy in the Context of Globalization: Specificity and Goals

ABSTRACT. The article examines the topoi of the modern public Western diplomatic discourse, fixed in the speeches of the high-rank diplomats, from the standpoint of the general psychological theory of activity. The study is urgent as its purpose is to identify the role of the public diplomatic discourse which turns into an activity aimed to realize the global task – construction of public consciousness.

The discursive-historical approach used in the course of the analysis has made it possible to: 1) identify the key topoi; 2) establish the purpose of their use — the creation of an atmosphere of fear that stimulates “fast” thinking among a wide audience without deep understanding of the facts presented; 3) identify the motive underlying the change in the main function of public diplomatic discourse, and the main goal of this type of activity in the era of globalization.

The results obtained allow the researcher to argue that in the 21st century, due to digital technologies, the public diplomatic discourse has not only become a “full participant” in the common communicative space, but is becoming increasingly closer to political discourse in its basic characteristics. The main feature that distinguishes modern diplomatic discourse from political discourse is that its participants occupy official diplomatic positions, but most often do not have the appropriate education and are not familiar with the norms of classical diplomacy or deliberately violate them. At the same time, regardless of the reason leading to ignoring the laws and rules of diplomacy, this peculiarity forces one to turn to the theory of reflexive management, from the standpoint of which the current situation in public diplomacy could receive a reasonably logical explanation.

KEYWORDS: political discourse, public diplomatic discourse, globalization, diplomacy, general psychological activity theory, topoi, public speeches, diplomats, speech, mass consciousness.

© Бубнова И. А., 2023

AUTHOR'S INFORMATION: *Bubnova Irina Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Philology, Institute of the Humanities, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Bubnova I. A. (2023). Topoi of the Modern Public Western Diplomacy in the Context of Globalization: Specificity and Goals. In Political Linguistics. No 6 (102), pp. 12-19. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Основным фактором, определившим коренное отличие XXI века от иных исторических периодов развития человечества, является глобализация — процесс, во всех отношениях изменивший как жизнь отдельного индивида, так и правила существования и функционирования целых государств. И в этом нет ничего удивительного, если обратиться к сути глобализации как явления, которое стало широко обсуждаться в научном мире в последней трети XX века, но как один из концептуальных терминов впервые получило толкование в 1985 г. в работе известного американского социолога Р.Робертсона. Отмечая, что «with the concept 'globalization' we refer to the processes by which the world is being made into a single place with systematic properties» [Robertson, Lechner 1985: 103], автор подчеркивает, что глобальная система «is a sociocultural system which has resulted from the compression of — to the point that qua system is increasingly imposes constraints upon — civilization cultures, national societies, intra- and cross-national movements and organizations, subsocieties and ethnic groups, intra-societal quasi-groups, individuals and so on» [там же].

Примерно в это же время выдающийся отечественный философ и социолог А. А. Зиновьев, анализируя развитие западного и крушение коммунистического мира, рассматривает процесс формирования глобального общества как «перелом в социальном строе стран Запада и во всей ориентации социальной эволюции человечества» [Зиновьев 2006: 114], причем фундаментом и глобализации, и интеграции, по мнению ученого, является «западнизм» (термин А. А. Зиновьева): «Идея Глобального Общества есть идея западная, а не абстрактно мировая. В ее основе лежало не столько стремление различных народов к объединению (такое стремление проявляется редко), сколько стремление Запада занять господствующее положение на планете, организовать все человечество в своих интересах, а не в интересах некоего абстрактного человечества. <...> Мировой информационный порядок был порядком, установленным странами Запада. Фирмы и правительства Запада осуществляли контроль глобальной коммуникации. Западные медиа установили свое господство в мире. Мировая культура стала прежде всего навязыванием народам

мира западной (я бы сказал, западнистской) культуры. Выражения „информационный империализм“ и „мировая культурная империя“ ввели в употребление западные идеологи» [там же: 119—120].

Подчеркнем, что к настоящему моменту существуют уже десятки работ, посвященных данному процессу, и в подавляющем их большинстве в том или ином виде две идеи, важнейшие в контексте нашего исследования — идея об интенсификации мирового сознания как некоего единого целого, как и идея резкой дифференциации условий существования населения разных стран, «локализации» части народа и связанного с этим вопиющего неравенства, порождаемого навязываемым порядком, когда, как это определяет З.Бауман, одни колесят по свету, а другие наблюдают за проплывающим мимо миром [Bauman 1998], содержатся практически в каждой из них, и для претворения в жизнь глобального проекта именно эти идеи должны быть материализованы.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Если оперировать терминами теории деятельности, то построение глобального общества как новой мировой системы является целью, а ее достижение позволяет реализовать некую потребность, которую социологи и историки часто определяют как резкое качественное усиление позиций глобальной верхушки («глобалы» — З. Бауман, «космократия» — Д. Дюкло, «глобократия» — А. Фурсов) по отношению к массе остального населения, причем особо важно отметить, что такое усиление — явление уникальное в истории человечества, так как жизнедеятельность мировых верхов, ставших глобальными, происходит в принципиально закрытом, полностью недоступном и часто даже неосознаваемом представителями не только низших, но и средних, постепенно сливающихся с низшими, слоев.

В традиционной схеме *потребность — мотив — действия — цель*, разработанной в рамках общепсихологической теории деятельности, место действий занимают различные типы дискурсов как социальной коммуникации, направленной на убеждение, внедрение в массовое сознание определенных установок и смыслов. Иными словами, глобализация — это цель, реализация кото-

рой в значительной мере зависит от успешного конструирования нового понимания мира и принятия новых ценностей массами, и главным орудием в этом процессе является язык, так как именно через него, как подчеркивает Р. М. Блакар, «действительность постигается, осознается», а также «наследуется» от поколения к поколению (Berger, Luckmann 1967). В значительной степени мы реально живем и действуем *внутри* «мира языка». Эрнст Кассирер (Cassirer 1944) удачно выразил это, обозначив человека как «знаковое существо» [Блакар 1979: 131].

В совершенно явном виде такое конструирование происходит в политическом дискурсе, наиболее важные характеристики которого были детально рассмотрены Р. Водак в парадигме предложенного ею дискурсивно-исторического подхода [Водак 2018], нацеленного на тщательный анализ дискурса на двух уровнях: тематическом аспекте текстов, предполагающем выделение дискурсов, которые концептуально обобщают текст и конкретизируют наиболее важную информацию в нем, а также их логичности и связности, макроструктуре, дискурсивных стратегиях, аргументативных схемах, иных лингвистических средствах (см. [Reisigl, Wodak 2009] и др.). Применение данного подхода в ходе анализа дискурсов правопопулистских партий позволило исследователю выделить их специфику, убедительно доказав, что «такие партии успешно конструируют страх, связанный с разными реальными или воображаемыми опасностями — и находят „козлов отпущения“, которых обвиняют в угрозе или фактическом нанесении вреда нашим обществам, в Европе и за ее пределами» [Водак 2018: 26].

Очевидно, что в настоящее время подобное конструирование страха происходит и в публичном дипломатическом дискурсе, который до начала XXI века строился по строгим классическим канонам и выполнял прежде всего информативные функции: речь дипломатических служащих строилась по классическим схемам, разработанным еще Аристотелем, в них доминировал логос, а одной из основных стратегий являлась стратегия вежливости, что, как отмечают многие исследователи, полностью отвечало принципам эффективного ведения диалога, основанным на теории аргументации.

Изменившаяся сегодня коренным образом риторика западных дипломатов позволяет с достаточной долей уверенности утверждать, что для современного дипломатического дискурса характерна радикальная смена габитуса, под которыми в теории П.Бурдьё понимаются системы прочных

приобретённых предрасположенностей (*dispositions*), предназначенных для функционирования в качестве структурирующих конструкций, то есть неких принципов, порождающих и организующих практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определённых результатов, но не обязательно предполагают сознательную нацеленность на эти результаты и не требуют особого мастерства. В науке данные системы фиксируются либо как статистические закономерности, либо как вероятности, объективно закрепленные за какой-либо группой или классом [Бурдьё 2001]. А если помнить о том, что габитус является не просто системой предрасположенностей, что, как представляется, в известной степени сближает его с понятием доминантной установки (по А.А. Ухтомскому), позволяющей обеспечивать устойчивый вектор поведения при всем многообразии условий среды, но и, как подчеркивает в своих работах П. Бурдьё, системой основных принципов конструирования объектов знания, строящегося в практической деятельности и ориентированного на практические функции [Бурдьё 2001], то его смена свидетельствует и об изменении социального пространства — еще одного важного концепта, введенного и определяемого автором как место столкновения различных сил за право производить, навязывать и внушать легитимное видение мира, в силу чего владение легитимными смыслами становится владением самим миром [там же].

С этой точки зрения публичный дипломатический дискурс, рассмотренный в рамках дискурсивно-исторического подхода как серия «контекстно-зависимых практик», а также как «социально конституированный и социально конституирующий», «связанный с макро-темой» и «плюро-перспективный», т.е. «связанный с аргументацией» [Reisigl, Wodak 2009], представляет значительный интерес для лингвистики, тем более что данный тип дискурсивной практики практически не исследовался.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

В настоящий момент особую значимость приобретает дипломатическая коммуникация между странами Запада и Россией, причем специфической чертой публичного аспекта этого типа дискурса стала неприкрытая речевая агрессия, которая может рассматриваться как «целенаправленное и изначально мотивированное факторами, лежащими вне сферы межличностных отношений, коммуникативное поведение, ориенти-

рованное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия, в качестве которого выступает, прежде всего, широкая аудитория, и, лишь косвенно, непосредственный собеседник» [Бубнова, Кондакова 2021: 11].

Если рассматривать проявление агрессии в дипломатическом дискурсе с позиций западного коллективного дипломатического актора, учитывающего не только текущие, но и конечную цель — освобождение от любых ограничений, детерриторизацию социальных, политических и культурных реалий и одновременно превращение человека в часть легко управляемой однородной массы, то создание в сознании огромного количества людей негативного отношения, возбуждение отрицательных эмоций по отношению к стороне, отстаивающей иные позиции, является вполне оправданным: в психологии давно известно, что, во-первых, эмоции, куда относится достаточно широкий круг явлений, являются основой готовности человека реагировать заданным образом на определенные стимулы [Frijda 1986], во-вторых, они оказывают значительное влияние на многие когнитивные процессы, такие как восприятие [Niedenthal, Setterlund 1994], память [Linton 1982], мышление [Тихомиров 1984].

Более того, в настоящий момент (и этот факт, как представляется, заслуживает самого серьезного внимания) исследования влияния эмоций на познавательную сферу личности перешли в иную плоскость: их свойства оказались в фокусе внимания специалистов в сфере когнитивных войн (термин, введенный в 2017 году), причем когнитивных войн, введущихся на фоне военных конфликтов. Как отмечается в одной из статей, размещенных на сайте НАТО, «In cognitive warfare, the human mind becomes the battlefield. The aim is to change not only what people think, but how they think and act. Waged successfully, it shapes and influences individual and group beliefs and behaviours to favour an aggressor's tactical or strategic objectives. In its extreme form, it has the potential to fracture and fragment an entire society, so that it no longer has the collective will to resist an adversary's intentions. An opponent could conceivably subdue a society without resorting to outright force or coercion»¹ [курсив наш — И.Б.]. Иными словами, речь здесь идет прежде всего о направленном формировании доминирующего типа мышления — Fast thinking, мышления эмоционального и рефлексивного, противоположного Slow thinking,

которое легко формируется при помощи цифровых сетей и «умных» устройств, что позволяет не только ослаблять и раскалывать общество, но и успешно управлять действиями огромного количества людей.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТОПОСОВ ПУБЛИЧНОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Методологические основы, цель и методы исследования

Таким образом, высказанное ранее предположение о том, что конструирование негативного фона и его закрепление в памяти широкой аудитории в дискурсе публичной дипломатии на современном этапе межгосударственного общения обусловлено основным мотивом деятельности, имеет под собой веские основания. Однако на практике в самом тексте речи дипломата такое конструирование требует обоснования, или, иначе говоря, аргументации, которая должна, как этого требует логика, являться одной из ведущих стратегий в дипломатическом дискурсе.

Аргументация в широком смысле — это способ «изменить, переориентировать или усилить с помощью лингвистических приемов позицию адресата» [Amossy 2014: 299]. Выявление и реконструкция аргументационных схем широко применяется и в критическом дискурсе-анализе, и в дискурсивно-историческом подходе, причем в последнем, как правило, используется термин *топос*, введенный в терминологию дискурсе-анализа М. Кинпойнтнером [Kienpointner 1996], а затем использованный Р. Водак при разработке дискурсивно-исторического подхода, где концепт топоса является ключевым. Основной функцией топоса, определяемого в дискурсивно-историческом подходе как «широкое семантическое, часто стереотипное, клише, заключающее в себе общие черты определенных линий аргументации» [Wodak, Ledema 2004: 166], является привнесение убедительности с целью повышения степени влияния на аудиторию.

В основе выделения топосов, которые могут быть формальными либо связанными с содержанием, лежит модель С.Тулмина [Toulmin 2003], представляющая каждый аргумент как структуру, содержащую утверждение (claim), основание данного вывода (data, ground), а также топос (warrant, т.е. общее заключение, разделяемое большинством, в терминологии Тулмина), устанавливающий причинно-следственную связь между начальным и конечным элементами. До-

¹ Countering cognitive warfare: awareness and resilience. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html>

полнительными элементами в модели С.Тулмина являются: 1) поддержка (*backing*) или некие факультативные сведения, факты, поддерживающие топос, если предпринимаются действия для его опровержения; 2) контраргумент (*rebuttal*), рассматриваемый как потенциальная возможность существования таких фактов или обстоятельств, которые способны вызвать сомнения в значимости сделанного вывода или полностью его аннулировать; 3) модификатор (*modal qualifier*), свидетельствующий о степени убедительности топоса (см. [Toulmin 2003] и др.). Деконструкция топоса производится в соответствии со следующими правилами: «Если авторитет X говорит, что A — верно, значит A — верно. A: X говорит, что A — верно. B: Следовательно, A — верно» [Водак 2018].

Описанная модель Тулмина была использована в процессе анализа следующих выступлений западных дипломатов высшего ранга: речи постпреда США в ООН Линды Томас-Гринфилд от 13 января 2022 года¹, речи постпреда США в ООН Линды Томас-Гринфилд от 16 ноября 2022 года², заявления Государственного секретаря США Антони Блинкена от 24 февраля 2023 года³, заявления министров иностранных дел G7 по поводу нелегальной аннексии территории суверенной Украины от 30 сентября 2022 года⁴, заявления лидеров Совета Европы от 23 февраля 2023 года⁵.

Целью проведенного анализа являлось выделение основных топосов, а также определение тональности эмоционального фона, создаваемого данными выступлениями. Все речи были посвящены текущей ситуации в мире, непосредственно связанной с СВО, данный выбор был обусловлен тем фактом, что именно эти события в значительной мере определяют в настоящий момент отношения между ЕС и НАТО, с одной стороны, и Россией, с другой.

Полученные результаты и их обсуждение

В ходе исследования были выделены два основных вида топосов, которые употребляются в выступлениях дипломатических служащих с одинаковой частотой.

Топос угрозы/опасности, который обозначается в дискурсивно-историческом под-

ходе следующим образом: «Если существуют конкретные опасности или угрозы, то во их избежание следует что-то сделать» [Водак 2018: 117], как и ожидалось, оказывается в проанализированных выступлениях эксплуатируемым постоянно, вне зависимости от того, идет ли речь о военных действиях, о других странах, о проблеме продовольствия или сотрудничестве России с другими государствами.

Как считает М. И. Кондакова, в дискурсе дипломатии топос угрозы выполняет сразу несколько функций и обусловлен: 1) необходимостью подготовить широкую аудиторию к какому-либо новому событию на международной арене, причем неважно, идет ли речь о реальной угрозе или заведомо сконструированном событии (по Ж. Бодрийяру); 2) публично назначить виновника грядущих событий и досрочно возложить на него ответственность за все потенциальные последствия; 3) заранее оправдать действия государственного руководства какой-либо страны, причем даже самые жестокие, аморальные и неправомерные [Кондакова 2022].

Соглашаясь с высказанной точкой зрения отметим, что все эти функции имплицитно присутствуют в проанализированных нами выступлениях, однако здесь акцент смещается именно на перечисление и выразительное описание результатов, вызванных действиями какой-то стороны (в данном случае — России), что призвано оказать влияние на эмоциональную сферу слушателей, причем не непосредственных, а самой широкой аудитории, вызвав ужас, отвращение, страх перед безжалостной «машиной», решившей без каких-то причин уничтожить миллионы безвинных гражданских людей.

Реализация данного топоса происходит за счет:

– односторонней интерпретации фактов: *For example, Russia's war in Ukraine has dramatically exacerbated the global food crisis. ... Due to Russia's deliberate slowdown of inspections, dozens of ships are waiting to depart.*

This tragedy would never have happened but for Russia's needless invasion of Ukraine and its recent missile assaults against Ukraine's civilian infrastructure.

¹ <https://ru.usembassy.gov/remarks-by-ambassador-linda-thomas-greenfield-at-a-un-security-council-briefing-on-russias-war-against-ukraine-011323/>.

² <https://usun.usmission.gov/remarks-by-ambassador-linda-thomas-greenfield-at-a-un-security-council-briefing-on-russias-war-against-ukraine>.

³ <https://www.state.gov/russias-war-against-ukraine-one-year-later>.

⁴ <https://www.state.gov/g7-foreign-ministers-statement-on-the-illegal-annexation-of-sovereign-ukrainian-territory-2/>.

⁵ <https://pace.coe.int/en/news/8982/brutal-aggression-against-ukraine-one-year-on---council-of-europe-leaders-call-for-unity-and-the-restoration-of-peace>.

– ссылок на ангажированные источники, преподнесение каких-то событий как фактов реальности: *As we work to contain the ripple effect of Russia's war, we must also be laser focused on the horrors happening in Ukraine on the ground. Last week, The New York Times detailed the harrowing accounts from the Ukrainian Prosecutor General's office of well-documented cases of sexual violence committed against women, men, and children by Russian Federation forces.*

– постоянных повторов, обобщений: *There is one man sitting comfortably in Moscow who can put a stop to this brutal, horrific war right now.*

This is a deliberate tactic by Putin. He seems to have decided that if he can't seize Ukraine by force, he will try to freeze the country into submission. It is hard to overstate how horrific these attacks are.

One year ago today, President Putin ordered a full-scale invasion of Ukraine following months of deceit about why Russia had amassed huge numbers of soldiers on Ukraine's border.

President Putin's decision has ripped apart families, forced millions from their communities, destroyed homes, schools, hospitals, and other civilian infrastructure, exacerbated a global food crisis, destabilized energy markets, and undermined international peace and security.

...a result of atrocities and destruction of an extent not witnessed on European soil since World War II. Serious violations of international humanitarian and human rights law have been committed. We reiterate the imperative of ensuring accountability for all crimes, including the crime of aggression. Without delivering justice there can be no lasting peace.

Иными словами, в данном случае используются все традиционные для убеждения средства, причем эмоциональная нагрузка выбираемой лексики очень высока.

Топос спасителя, общая схемы которого выглядит как «Если из-за X ожидается опасность, и если А спас нас в прошлом, то А сможет спасти нас снова» [Водак 2018: 117], не менее частотен в выбранных для анализа текстах. В публичном дискурсе дипломатии употребление этого топоса, как и топоса угрозы, решает несколько задач: 1) очерчивает перспективы дальнейших действий; 2) указывает на спасителя/спасителей, подчеркивает благородство его/их побуждений; 3) обосновывает и легитимирует необходимость наказания виновников; 4) служит основой для объединения.

Топос спасителя реализуется в речах через экспрессивную лексику, позволяющую говорящему имплицитно выразить свое от-

ношение к описываемым событиям и действиям и одновременно внушить широкой аудитории мысль о нерушимом единстве стран, противостоящих злу и спасающих страдающее население не только на Украине, но и во всем мире от бесчеловечных деяний страны-агрессора.

...we stand with Poland in this difficult moment and have offered our full support for and assistance with Poland's investigation to determine exactly what happened.

We extend our solidarity with the Ukrainian people for the fallout of this attack, and our deepest condolences for those lives lost.

I was there to announce more humanitarian funding from the United States to provide supplies and support while Russia prepared to weaponize the winter.

...the United States first warned of troubling signs that Russia was planning a massive, full-scale invasion of Ukraine. As Russia amassed troops along the Ukrainian border, including in Belarus, we rang alarm bells and pursued every diplomatic avenue possible to prevent war.

Colleagues, if you are looking for a practical way to lower tensions and help those in need, it would be by supporting and securing an extension of the Black Sea Grain Initiative.

Today, I'm asking members of the Council to join us in urging Russia to scale up cooperation immediately.

We condemn the DPRK's actions and urge the DPRK to cease these deliveries and come into compliance with the relevant Security Council resolutions. And once again, we encourage everyone to join us in that call.

The Council of Europe is providing its support to Ukraine on accountability and resilience and is ready to play its part in coordination with other international mechanisms for an effective and comprehensive accountability and compensation system which prevents impunity and protects victims' rights.

The United States stands strongly with Ukraine as it defends itself, and we will continue to do so until Ukraine's sovereignty is respected and the people of Ukraine can shape their chosen, democratic future in freedom and peace.

We reiterate our call for all countries to condemn unequivocally Russia's war of aggression and its attempt to acquire territory by force. We call on the broader international community to reject Russia's brutal expansionism...

We will impose further economic costs on Russia, and on individuals and entities — inside

and outside of Russia — that provide political or economic support to these violations of international law.

Важно отметить, что в проанализированных текстах выделенные типы топосов присутствуют практически в каждом отдельном фрагменте речи, при этом внутри данных типов явно выделяются отдельные подтемы, которые могут рассматриваться либо как специфические подтипы данных топосов, либо как отдельные топосы. Так, в топосе угрозы, определяемом достаточно широко, явно выделяется отдельный, детально прорабатываемый подтип, связанный с насилем оправданным/агрессивным, а также подтипы, относящиеся к праву/законности, эффективности/неэффективности и позитивной самопрезентации/негативной презентации других. Это же замечание касается и топоса спасителя, где в качестве подтипов могут быть выделены топосы гуманитарной миссии, выгоды, ответственности, гуманизма и всеобщего блага. Однако небольшой объем, а также специфический характер проанализированного материала не позволяют однозначно утверждать, что такие же характеристики будут проявляться и в других текстах, поэтому данное предположение требует дальнейшей проверки.

ВЫВОДЫ

В целом проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. В отличие от публичного дипломатического дискурса XX века, дискурс дипломатии XXI века в его публичном аспекте стал «полноправным участником» общего коммуникативного пространства, направленным на широкую аудиторию благодаря современной цифровой среде, в которой оперативно распространяются основные тезисы выступлений высокопоставленных дипломатических служащих.

2. Смена габитуса и, соответственно, изменение социального пространства, свидетельствуют о смене основной функции публичного дипломатического дискурса: информирование о текущих событиях, основанное на формальных топосах — противоположности, силлогизма, следствия, причины, становится фоном, на котором осуществляется воздействие на массовое сознание. Это, в свою очередь, подтверждает гипотезу о публичном дипломатическом дискурсе как одном из видов деятельности, направленном на реализацию глобальной цели — конструирования общего сознания с помощью создания негативного фона, стимулирующего «быстрое» мышление без глубокого осмысления представленных фактов.

3. Ключевыми топосами, используемыми в публичных выступлениях высокопоставленных дипломатических служащих, являются топосы угрозы/опасности и спасителя, решающие одновременно несколько специфических задач, реализуемых прежде всего за счет использования экспрессивной лексики.

4. В основных топосах, в свою очередь, выделяются подтипы, позволяющие осуществлять еще более эффективное воздействие на сознание массовой аудитории, которая не ориентируется в специфике дипломатического общения и особом языке дипломатии, известном лишь профессионалам.

5. Публичный дипломатический дискурс по своим базисным характеристикам все больше сближается с политическим дискурсом, часто отличаясь от него лишь тем, что его участниками являются персоны, занимающие официальные дипломатические должности, однако не имеющие соответствующего образования и не знакомые с нормами классической дипломатии либо намеренно их нарушающие. При этом, независимо от причины, ведущей к игнорированию законов и правил дипломатии, данное обстоятельство заставляет обратиться к теории рефлексивного управления, с позиций которой, как представляется, современная ситуация в публичной дипломатии может получить вполне логичное объяснение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бубнова И. А., Кондакова М. И. Дипломатический дискурс XXI века: что стоит за агрессией в публичной дипломатии? / И. А. Бубнова, М. И. Кондакова. — Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности: труды Уральского психолингвистического общества. — Екатеринбург : [б. и.], 2021. — Вып. 19. — С. 5–14.
2. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые. — Санкт-Петербург : Алетейя ; Москва : Институт экспериментальной социологии, 2001. — 562 с. — Текст : непосредственный.
3. Водак, Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? : пер. с англ. / Р. Водак. — Харьков : Гуманитарный центр, 2018. — 404 с. — Текст : непосредственный.
4. Зиновьев, А. А. Глобальный человек / А. А. Зиновьев. — Москва : Алгоритм : Эксмо, 2006. — 271 с. — Текст : непосредственный.
5. Кондакова, М. И. Топос угрозы и топос Спасителя как базовые стратегии аргументации в современном дискурсе дипломатии / М. И. Кондакова. — Текст : непосредственный // Вопросы психолингвистики. — 2022. — № 3 (53). — С. 161–171. — DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-161-171.
6. Тихомиров, О. К. Психология мышления / О. К. Тихомиров. — Москва : Изд-во МГУ, 1984. — 272 с. — Текст : непосредственный.
7. Amossy, R. Argumentation and discourse analysis / R. Amossy. — Text : unmediated // The discourse studies reader: Main currents in theory and analysis / eds. E. Angermuller, D. Maingueneau, R. Wodak. — Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2014. — P. 297–305.
8. Bauman, Z. Globalization: The Human Consequences / Z. Bauman. — [S.l.] : Polity Press, 1998. — 136 p. — Text : unmediated.
9. Blakar, R. M. Language as a means of social power / R. M. Blakar. — Text : unmediated // Paralinguistics / J. Mey (ed.). — The Hague ; Paris : Mouton, 1979. — P. 131–169.

10. Frijda, N. H. *The Emotions* / N. H. Frijda. — Cambridge University Press, 1986. — 544 p. — Text : unmediated.

11. Kienpointner, M. *Vernitfrig argumentieren: Regeln und Techniken der Argumentation* / M. Kienpointner. — Hamburg : Rowohlt, 1996. — 272 s. — Text: unmediated.

12. Linton, M. *Transformations of memory in everyday life* / M. Linton. — Text : unmediated // *Memory Observed: remembering in natural context* / U. Neisser (ed.). — San Francisco : Freeman, 1982. — P. 77–91.

13. Niedenthal, P. *Emotions congruence in perception* / P. Niedenthal, M. B. Setterlund. — Text : unmediated // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 1994. — Vol. 20. — P. 401–411.

14. Reisigl, M. *The discourse-historical approach (DHA)* / M. Reisigl, R. Wodak. — Text : unmediated // *Methods of Critical Discourse Analysis*. — 2nd ed. — London : SAGE, 2009. — P. 87–121.

15. Robertson, R. *Modernization, Globalization and the Problem of Culture in World-Systems Theory* / R. Robertson, F. Lechner. — Text : unmediated // *Theory, Culture and Society*. — 1985. — Vol. 2 (3). — P. 103–117. — DOI 10.1177/0263276485002003009.

16. Toulmin, S. *The Uses of Argument* / S. Toulmin. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2003 [1958]. — 263 p. — Text : unmediated.

17. Wodak, R. *Constructing boundaries without being seeing: The case of Jorg Haider, politician* / R. Wodak, R. Iedema. — Text : unmediated // *Revista Canada de estudios ingleses*. — San Cristobal de la Laguna, 2004. — N 49. — P. 157–178.

REFERENCES

1. Bubnova, I.A., & Kondakova, M.I. (2021). *Diplomaticeskij diskurs XXI veka: chto stoit za agressiej v publichnoj diplomatii?* [Diplomatic discourse of the 21st century: what is behind the aggression in public diplomacy?] In *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti: trudy Ural'skogo psiholingvisticheskogo obshchestva* (pp. 5–14). Ekaterinburg. (In Russ.)

2. Burd'e, P. (2001). *Prakticheskij smysl* [Practical meaning]. Saint Petersburg: Aleteia; Moscow: Institute of Experimental Sociology, 562 p. (In Russ.)

3. Wodak, R. (2018). *Politika straha. Chto znachit diskurs pravyyh populistov?* [The politics of fear. What does right-wing populist discourse mean?] Har'kov: Gumanitarnyj centr, 404 p. (In Russ.)

4. Zinov'ev, A.A. (2006). *Global'nyj chelovejnik* [Global Human Warren]. Moscow: Algoritm, Eksmo, 271 p. (In Russ.)

5. Kondakova, M.I. (2022). *Topos ugrozy i topos Spasitelya kak bazovye strategii argumentacii v sovremennom diskurse diplomatii* [The Topos of the Threat and the Topos of the Savior as Basic Argumentation Strategies in Modern Discourse of Diplomacy]. *Journal of psycholinguistics*, 161–171, doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-161-171. (In Russ.)

6. Tihomirov, O.K. (1984). *Psihologiya myshleniya* [Psychology of thinking]. Moscow: Izd-vo MGU, 272 p. (In Russ.)

7. Amossy, R. (2014). *Argumentation and discourse analysis*. In E. Angermuller, D. Maingueneau, & R. Wodak (Eds.), *The discourse studies reader: Main currents in theory and analysis* (pp. 297–305). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

8. Bauman, Z. (1998). *Globalization: The Human Consequences*. Polity Press, 136 p.

9. Blakar, R.M. (1979). *Language as a means of social power*. In J. Mey (Ed.), *Paralinguistics* (pp. 131–169). The Hague, Paris: Mouton.

10. Frijda, N.H. (1986). *The Emotions*. Cambridge University Press, 544 p.

11. Kienpointner, M. (1996). *Vernitfrig argumentieren: Regeln und Techniken der Argumentation*. Hamburg: Rowohlt, 272 s.

12. Linton, M. (1982). *Transformations of memory in everyday life*. In U. Neisser (Ed.), *Memory Observed: remembering in natural context* (pp. 77–91). San Francisco: Freeman.

13. Niedenthal, P., & Setterlund, M.B. (1994). *Emotions congruence in perception*. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 20, 401–411.

14. Reisigl, M., & Wodak, R. (2009). *The discourse-historical approach (DHA)*. In *Methods of Critical Discourse Analysis* (2nd ed., pp. 87–121). London: SAGE.

15. Robertson, R., & Lechner, F. (1985). *Modernization, Globalization and the Problem of Culture in World-Systems Theory*. *Theory, Culture and Society*, 2(3), 103–117. DOI: 10.1177/0263276485002003009.

16. Toulmin, S. (2003 [1958]). *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press, 263 p.

17. Wodak, R., & Iedema, R. (2004). *Constructing boundaries without being seeing: The case of Jorg Haider, politician*. *Revista Canada de estudios ingleses*, 49, 157–178. San Cristobal de la Laguna.